

Объятия

Перси Броуди уходил в полном оцепенении. Прежде чем скрыться из виду, он, словно под гипнозом, выгреб из карманов всю мелочь до последнего медяка.

Нова с удовлетворением пересчитал добычу. По его прикидкам, этих денег должно было хватить на дорожные расходы до самого дома. Закончив подсчёты, он столкнулся взглядом с парой прекрасных и необычных синих глаз.

Азука лениво прислонился к оконной раме неподалёку. Свет, проходящий сквозь тонкую вуаль занавесок, размывал его силуэт, и лишь в глазах играла отчётливая смешинка — очевидно, юноша стал свидетелем всей сцены.

— Почему ты не оставил себе хотя бы пару жемчужин? — с затаённым весельем спросил он.

Иначе не пришлось бы грабить несчастного ребёнка. Избранный богом, казалось, совершенно не осознавал, что физический возраст его нынешнего тела немногим больше, чем у этого самого «ребёнка».

Профессор спрятал кошелёк и бросил на него быстрый взгляд:

— Если рыбак находит жемчужину — это милость Бога удачи. Но если выживший в кораблекрушении достаёт горсть жемчуга, на что это будет похоже? Все решат, что я выловил его из того вычурного фонтана перед входом в резиденцию «Жемчужное море».

Юноша не сдержал улыбки. Когда он улыбался, его лицо становилось почти ослепительным — к несчастью, второй присутствующий совершенно не умел ценить подобную красоту. Нова лишь нахмурился, с сомнением оглядывая собеседника.

— Ты ходил к епископу Миллеру, а потом снова заглянул на улицу Рыбьего Хвоста? — спросил он.

— Угу.

Азука выпрямился и мягко коснулся плеча профессора. Черноволосый юноша машинально последовал за его направляющим жестом вглубь комнаты и только тогда заметил, что их багаж каким-то чудесным образом уже переместился в угол номера.

— Павадон Миллер — человек крайне осторожный. Я обыскал его временное пристанище, но не нашёл ни единого клочка бумаги с записями, — Избранный богом запер дверь. Он говорил

непринуждённо, будто обыск в покоях кардинала был для него обыденным делом. — У него с собой двусторонний хрустальный шар. Я слегка дешифровал магический контур: Миллер несколько раз связывался с неким магом Света из Королевского города. Пытаться выведать больше было опасно — я мог повредить шар и спугнуть его. Так что улов невелик. Хотя мне стоило взять тебя с собой.

— Учитывая страсть Церкви Сияющего Света к пафосу и роскоши, сам факт проведения Праздника Рассвета в пограничном городе выглядит крайне сомнительно, — Нова на мгновение задумался, опустив глаза. — Ты можешь определить частоту их переговоров?

— Хм, судя по расходу маны в кристалле, он использовал его довольно интенсивно. Раз шесть или семь.

— С одним и тем же человеком?

— С одним и тем же.

Профессор замер, погружённый в раздумья.

— Почти раз в день... Если исключить вариант, что лорд Миллер, вопреки репутации, — сентиментальный домосед, одержимый жаждой общения, то он явно кому-то докладывает. С равной вероятностью это может быть как Папа Церкви, так и кто угодно ещё. И этот «кто-то» придаёт делу такое значение, что не может дожидаться окончания праздника. Или же ситуация требует постоянного контроля... Значит, он ищет нечто переменчивое, неопределённое или проявляющееся лишь на время?

Азука с мягкой настойчивостью усадил профессора, всё ещё пребывающего в прострации, на стул. Двумя пальцами он брезгливо подцепил край грязного, давно мозолившего ему глаза дырявого плаща Нова и растянул его. Заклятый враг, погружённый в раздумья, был на редкость покладист и позволял делать с собой что угодно.

— Я не могу сузить круг поиска, данных слишком мало, — Нова в раздражении прижал палец к губам и пришёл в себя лишь тогда, когда случайно лизнул ворс плаща. Он тут же отвёл руку.

Юноша уже собирался утешить его, но профессор мгновенно перестроился, совершив резкий скачок в теме разговора:

— Каким способом те «толковые священники», о которых ты говорил, вычисляют неверующих?

— Смотрят на душу, — Спаситель опёрся на спинку стула и склонился к лицу Нова, демонстрируя, как его глаза начинают отливать золотом. — Вот так. Те, кто достиг ранга Святого и выше, способны видеть Исток другого человека.

— ...Твоему «толковому священнику» нужно быть Святым? Это как минимум уровень Папы, — Нова не удержался от возмущённого взгляда.

Что за чертовщина с балансом сил в этом мире? Цифры зашкаливают до абсурда. Этот паршивец лжёт и не краснеет.

Собеседник невинно посмотрел на него глазами, которые снова стали ярко-синими:

— Однако маги ранга главной молитвы и выше тоже способны смутно ощущать ауру чужого Истока. Правда, обычно это чувство становится отчётливым, только когда сталкиваешься с кем-то, чьи идеи и убеждения близки твоим собственным. Своего рода интуиция. В остальное время это лишь слабый отзвук, который многие принимают за игру воображения.

Подобная информация, напрямую связанная с духовной практикой, строго монополизировалась и скрывалась крупными силами. За такие знания люди платили жизнями, а Избранный богом выкладывал их с такой лёгкостью, будто говорил о погоде.

Профессор задумчиво произнёс:

— Раньше мне и впрямь не доводилось встречать магов выше ранга главной молитвы.

Кардинал Миллер явно подпадал под определение «толкового священника», но, видя непоколебимое спокойствие юноши, Нова поверил, что у того припрятан козырь в рукаве.

Как и ожидалось, собеседник подхватил мысль:

— В данный момент Миллер должен быть на среднем уровне ранга главной молитвы. Но не волнуйся, пока ты рядом со мной, ты пропитан моей аурой. На его уровне он не сможет тебя раскусить.

Нова на секунду замер и поднял голову:

— В прошлой жизни ты знал кардинала Миллера? Близко?

— Не совсем, мы лишь несколько раз пересекались по делам, — тон Азуки оставался спокойным. — Он был народным любимцем и главным кандидатом на пост Папы. Из реформаторов. Не такой невыносимый, как прочие старики из Церкви... Жаль, я только собирался укрепить наше сотрудничество, как ты убил его.

Спаситель с затаённым восторгом заметил, как черноволосый юноша на мгновение впал в ступор — редкое зрелище на лице профессора.

Тот недоверчиво нахмурился:

— С чего бы мне его убивать?

Избранный богом глубоко заглянул в глаза своего врага:

— ...Поверь мне, в тот момент я был в гораздо большем замешательстве, чем ты сейчас.

Это было больше, чем замешательство — предельный шок, ярость и горькое чувство поражения. Азука не был хрупким ребёнком, рыдающим после каждой неудачи, но как мог человек, рождённый быть главным героем, не быть баловнем судьбы, раз за разом ускользающим из лап смерти?

И всё же он раз за разом оказывался в центре паутины, сплетённой одним и тем же человеком. Все его попытки вырваться выглядели нелепой шуткой, а отчаянное сопротивление — безнадёжной суетой. Он был словно затравленная гончая, почуявшая след далёкой, бледной и холодной луны. Он кусал пустоту, но в итоге лишь танцевал под звон цепи, сковывающей его шею. Это унижение — быть полностью подконтрольным кому-то, кто даже не показывал своего лица, — оставило в душе Спасителя неизгладимый след.

Даже в тот миг, когда голова врага скатилась с плеч, он застыл в оцепенении.

«Он мёртв? — думал тогда юный Спаситель. — Мой враг, моя цепь, моя недостижимая луна... так просто погиб?»

В то мгновение он ощутил нечто совершенно иррациональное: смесь ярости и огромной, сокрушающей скорби, едва не погубившей его Исток. Он не победил этого человека в честном бою — он лишь разрушил измождённую, слабую плоть, в то время как душа врага продолжала парить высоко над ним, бесстрастно взирая в неведомую даль.

— ...Что ты делаешь?

Азука растерянно моргнул. Прямо перед ним были пронизательные и холодные пепельно-серые глаза, в которых отражались два крохотных Азуки. Избранный богом обнаружил, что снова сжимает ладонью затылок врага, причём делает это с такой силой, что на нежной коже проступили багровые следы.

Он резко отдернул руку, словно от удара током.

— ...Прости, — голос Спасителя стал тихим. На этот раз он действительно чувствовал вину.

Нова не ответил. Он лишь растирал шею, задумчиво изучая собеседника.

— ...У тебя тактильный голод? Потребность в постоянном физическом контакте, жажда объятий и прикосновений ради чувства безопасности и расслабления? — осторожно спросил профессор. Как собрат по психическим отклонениям, он был готов проявить снисходительность к подобным проявлениям болезни.

Юноша готов был поклясться, что его лицо превратилось в застывшую маску.

— ...Раньше у меня никогда не было таких потребностей.

— Значит, эта жажда направлена только на меня? — Нова медленно нахмурился, явно озадаченный этим фактом.

...Неужели этому человеку совсем незнакомо чувство неловкости? Азука в изнеможении потёр переносицу и, игнорируя расширившиеся зрачки профессора, просто наклонился и заключил своего врага в объятия.

Это было даже трудно назвать объятиями в полном смысле слова: он не сжимал руки, а лишь опёрся на спинку стула, осторожно создавая вокруг Нова замкнутое пространство. Его противник явно опешил, но не выказал ни сопротивления, ни желания вырваться. Он просто сидел, погружённый в мягкое, почти смиренное молчание у самой его груди. Избранный богом не удержался и попытался приблизиться к его шее, но, почувствовав, как тело Нова инстинктивно вздрогнуло, остановился, замирая на тонкой, едва различимой грани между нежностью и вторжением.

Те вещи, что бушевали в его сознании подобно ночным кошмарам, казалось, действительно растворялись в дыхании этого человека. Он ощутил странное умиротворение и полноту. Если бы Спаситель был жителем Земли, он мог бы выразить это одной фразой: «Тискаю кота, восстанавливаю рассудок».

— Результаты эксперимента готовы? — наконец не выдержал профессор.

Его терпение имело границы. Хотя Азука вёл себя сдержанно и вежливо, постоянная близость чужого дыхания и тепла, вторгающихся в его личное пространство, вызывала у Нова чувство странного беспокойства.

— ...Кажется, это действительно работает, — пробормотал юноша и нехотя разжал руки. Если бы Нова не знал его лучше, он бы подумал, что тот расстаётся с ним с явным сожалением.

Профессор одарил его взглядом, ясно говорящим: «Я же сказал, что ты болен». Факты всегда подтверждали правоту Нова Броуди.

— Вы голодны? — пациент как ни в чём не бывало сменил тему. — Мы можем сходить в таверну «Золотой якорь» в порту. Говорят, там кормят сытно, дёшево и вполне недурно. Это место

очень популярно.

Собеседник мгновенно уловил подтекст:

— Наёмники.

Слухи о «Сокровище в логове дракона» пошли именно от портовых наёмников.

Нова снова набросил на плечи свой ветхий плащ. Глядя на это, Избранный богом невольно скривился, решив, что покупку новой одежды тоже стоит внести в список срочных дел. По крайней мере, его заклятый враг не должен больше разгуливать в куске тряпки, покрытом заплатами.

<http://bllate.org/book/15312/1354380>